

РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Цыпина А.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Ставропольская ул., 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Цыпина А.В. Речевая реализация принципов уголовного судопроизводства. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(1):36–40. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-1-36-40>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Цыпина Алла Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: sytinalla@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 22.01.2025

Статья принята к печати: 21.02.2025

Дата публикации: 21.03.2025

Аннотация: Исследование посвящено актуальной проблеме взаимодействия языка и права, в частности, вопросам речевой коммуникации в юридической практике. Автор подчеркивает значимость лингвистических аспектов в правовой деятельности, особенно в уголовном судопроизводстве, где точность, ясность и корректность формулировок играют важную роль в обеспечении справедливости и доверия к судебной системе в целом, в повышении профессиональных компетенций юриста в частности.

Цель настоящего исследования – создание языковых требований, включающих общие предписания коммуникативного взаимодействия юриста и специальные лингвистические нормативы, представляющие речевую реализацию принципов права.

Для достижения поставленной цели в качестве основной *задачи* видится необходимость разработки и систематизации лингвистических норм для уголовно-процессуальной коммуникации.

Методы исследования: описательный, структурный, метод формализации.

Результаты: разработаны общие языковые предписания и специальные лингвистические нормативы для уголовно-процессуального права и уголовного судопроизводства, как практической сферы юридической деятельности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная коммуникация, специальные лингвистические нормативы, коммуникативный кодекс.

Введение

Взаимодействие языка и права входит в число актуальных и широко востребованных областей правовых и лингвистических исследований. Современная научная литература широко освещает общелингвистические аспекты языка права, его отдельные характеристики, принципы применения, включая анализ правовых концептов, юридических дефиниций и их отраслевых особенностей [1]. Большое внимание уделяется содержанию нормативных актов и формулированию правовых положений, совершенствованию законодательного процесса с точки зрения правил лингвистики, использованию лингвистических методов при интерпретации права, правовой риторике и т.д. [3].

Несмотря на имеющиеся научные результаты и популярность исследований, посвященных взаимодействию языка и права, актуальными остаются вопросы речевой коммуникации в юридической практике. Как правило, лингвистические критерии правовой коммуникации включают: точность формулировок, ясность и доступность, последовательность и логичность. Такого рода рекомендации носят обобщенный характер и не содержат в своей основе ничего принципиально нового.

Коммуникативная и речевая компетентность современного юриста приобретает особую значимость в практическом аспекте, поскольку эффективность профессиональной деятельности, независимо от специализации, напрямую обусловлена совокупностью интеллектуальных процедур языкового плана. В процессе профессиональной деятельности юрист опирается на систему юридических понятий, категорий и принципов, которые формируют основу для принятия решений, соответствующих как букве, так и смыслу закона. Верной является мысль: «Идеи права и справедливости, а также мера дозволенного выражаются в юридической практике не иначе, как в словесных формах» [7, с. 65]. Любое процессуальное решение облекается в ту или иную форму речевой коммуникации. От точности и ясности используемых при этом правовых формулировок зависит, в том числе, и восприятие этих решений, как убедительных и справедливых. Эти обстоятельства, в свою очередь, повышают уровень доверия к судебной власти, к результатам уголовного преследования, во многом помогают обеспечить бесконфликтность уголовного судопроизводства [4].

На наш взгляд, характер правовой коммуникации, речевое взаимодействия и правила, регламентирующие этот процесс, обусловлены особенностями соответствующей сферы правовой деятельности.

Коммуникация в сфере гражданского права требует лингвистических компетенций, направленных, в первую очередь, на применение речевых навыков, направленных на достижение компромиссов в спорах, на проведение медиативных процедур [6].

Коммуникация в административном праве основана на взаимодействии граждан, юридических лиц и государственных органов. Здесь коммуникация происходит в контексте выполнения различных действий, таких как подача заявлений, жалоб, запросов, а также получение разрешений и лицензий, с применением и толкованием нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность государственных органов и др., что также требует специфических языковых навыков и умений, знаний свода языковых правил присущих этому правовому пространству.

Юристы, работающие в сфере уголовного судопроизводства, обязаны соблюдать строгие процедурные нормы и использовать специализированную терминологию. Соответственно и уголовно-процессуальная коммуникация отличается существенным своеобразием. Ей присущ высокий уровень формализма, детализации, индивидуализации и точности. Учеными отмечается, что в числе основных коммуникационных операций в уголовном судопроизводстве находятся собирание доказательств, содержание отдельных следственных действий (допрос, очная ставка и др.), процессуальная аргументация, в том числе в суде [10]. При этом особое значение приобретают точность юридических формулировок в обвинительных документах органов предварительного расследования и приговорах. Мы полагаем, что в этом ряду следует признать обязательность выполнения также и этических норм, правил вежливости в ходе различных уголовно-процессуальных процедур [9].

Приведенные факторы убеждают в наличии связи между особенностями определенной юридической практики и характера возможной и должной коммуникации, что требует от правоприменителей и участвующих лиц выбора коммуникативных стратегий и языковых правил.

Методология исследования обусловлена целью и задачами исследования, решение которых возможно подробным описанием языковых явлений, стилистических особенностей высказываний, используемых в юридической практике (метод описания); выявлением структуры языковых единиц юридических текстов и их взаимосвязи (структурный метод); выделением и систематизацией языковых моделей уголовного судопроизводства, упорядочивающих разные элементы языка уголовного судопроизводства и выстраиваемых в понятную структуру (метод формализации).

Результаты исследования

Классификация языковых требований, применительно к уголовно-процессуальному праву и уголовному судопроизводству, состоит из двух элементов:

1. Общие предписания: принципы коммуникативного взаимодействия, которых должен придерживаться юрист как носитель высокой культуры и образованности, включают следующие аспекты и положения: нормативный, коммуникативный и этический аспекты, а также максимы качества, количества, релевантности информации, целевой направленности и способа.

2. Специальные нормативы (*специальные лингвистические нормативы*), которые представляют собой речевую реализацию принципов права. Специальные лингвистические нормативы – это правила и требования, которые регулируют использование языка в правовой сфере. Эти нормативы охватывают лексику, грамматику, синтаксис и стилистику, а также учитывают специфику юридического языка, который отличается от обычного языка.

Научная дискуссия

Наш научный интерес связан с разработкой лингвистических рекомендаций, критериев и правил для уголовно-процессуального права и уголовного судопроизводства, как практической сферы юридической деятельности. Ранее мы писали [9], что уголовно-процессуальная коммуникация представляет сложную архитектуру лингвистического взаимодействия, где фактически каждый коммуникативный акт обладает

набором специфических черт и представляет отдельный коммуникативный жанр со своими индивидуальными правилами и требованиями.

Языковые требования применительно к лингвистическому пространству, определяемому уголовно-процессуальным правом, можно представить в виде следующих двух групп:

- *общие предписания*: принципы коммуникативного взаимодействия, которым должен следовать юрист, как *образованный культурный человек*;

- *специальные нормативы (специальные лингвистические нормативы)*, которые представляют собой речевую реализацию принципов права.

Общие предписания, разумеется, будут связаны с вопросами профессиональной этики [5] и культурой речи, которые включают нормативный аспект, коммуникативный аспект и речевой этикет. Принципы речевого взаимодействия, относящиеся к *общим предписаниям*, содержат требования о соблюдении профессиональной этики (уважение, честность, конфиденциальность); владение такими качествами речи как логичность и последовательность, умение излагать мысли ясно и точно.

Такой список общих предписаний мы считаем необходимым расширить, дополнив его еще несколькими, важными, на наш взгляд, особенно для уголовно-процессуальной коммуникации, правилами, а точнее максимами (максима – краткое изречение, содержащее какое-либо этическое правило¹).

Повышению уровня уголовно-процессуального коммуникационного профессионализма способствует принцип кооперации. Принцип кооперации, первоначально предложенный философом и лингвистом Гербертом Полом Грайсом [2], касается эффективной и взаимовыгодной коммуникации.

Основные максимы принципа кооперации Грайса, при их адаптации к особенностям уголовного судопроизводства, могут иметь следующее содержание:

- максима качества: все утверждения и выводы должны быть обоснованы и подкреплены доказательствами. При отсутствии достаточных доказательств, утверждения могут быть подвергнуты сомнению и не приняты во внимание при вынесении решений.

- максима количества: достаточность информации (объем информации должен позволять полностью уяснить суть уголовного дела, правового вопроса, поставленного перед судом, но при этом нужно избегать излишней детализации); конкретность (информация должна быть точной, без излишних отвлечений);

- максима релевантности: все утверждения и доводы должны быть актуальными и иметь отношение к обсуждаемому вопросу;

- максима целевой направленности: информация должна способствовать достижению цели коммуникации, будь то разрешение уголовного дела, заявление, рассмотрение и разрешение ходатайства, жалобы или иное.

- максима способа: используемые формулировки должны быть ясными и понятными, необходимо избегать двусмысленности, неоднозначности в интерпретации информации, изложение должно быть логичным, последовательным.

Все перечисленные требования создают единую систему *общих предписаний*, формирующих комплексный набор правил, который определяет основные принципы и стандарты коммуникативного взаимодействия в уголовном судопроизводстве.

Интерес представляет категория языковых требований, которые мы обозначаем как *специальные лингвистические нормативы*, которые представляют собой основу уголовно-процессуального речевого взаимодействия.

В этой части своего исследования мы опираемся на основополагающие идеи уголовно-процессуального права, принципы уголовного судопроизводства. «... Многие традиционные российские духовно-нравственные ценности отражены в принципах уголовного процесса и посредством их реализуются в уголовно-процессуальной деятельности ...» [8, с. 5]. На наш взгляд, уголовно-процессуальные принципы представляют собой основные положения, которые не только определяют вектор развития, порядок и правила ведения уголовно-процессуальной деятельности, но и выстраивают соответствующую линию уголовно-процессуальной коммуникации.

В то же время соблюдение принципов уголовного судопроизводства должно обеспечиваться надлежащим выполнением не только правовых уголовно-процессуальных положений, но и специальных лингвистических нормативов. Для демонстрации актуальности этого тезиса и его практической значимости приведем некоторые сформулированные нами лингвистические нормативы, следующие из содержания принципов уголовного судопроизводства.

Для соблюдения принципа законности (ст. 7 УПК РФ) предлагаются следующие специальные лингвистические нормативы: использование точных терминов и избегание неоднозначных выражений в процессуальных решениях для предотвращения разночтений и неправильного толкования; формулировки устной и письменной коммуникации должны быть однозначными, исключающими возможность различных

¹ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. 2000.

интерпретаций; содержание процессуальных актов должно быть структурировано логично и последовательно и обеспечивать восприятие и понимание используемых положений, категорий; используемая терминология и формулировки должны соответствовать существующим правовым нормам и установленной практике. Подтверждением значимости этих лингвистических нормативов являются примеры из судебной практики. Так, в апелляционном постановлении было указано: «по факту контрабанды в апреле 2017 года Щ.А.НА. следователем не было разъяснено существо предъявленного обвинения, а обстоятельства, изложенные органами следствия в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении, сформулированы с нарушением требований УПК РФ и не доступны для понимания»¹.

Лингвистические нормативы принципа, закрепленного в ст. 9 УПК РФ, основаны на использовании корректных формулировок при обращении к участникам процесса; на избегании уничижительных, оскорбительных или неприличных выражений в любых документах и устных выступлениях. Все участники процесса, включая подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей, должны упоминаться с уважением к их чести и достоинству. В этой части также отметим пример из судебной практики, в котором прокурор в кассационном представлении не согласился с судебными решениями в связи с тем, что судом в приговоре приведена ненормативная лексика и нецензурная брань, обозначенная сочетанием печатных знаков и точек². О значимости лексических нормативов, основанных на указанном принципе, свидетельствует и такой пример: судья был досрочно лишен своих полномочий в связи с нарушениями, порочащими статус судьи, в числе которых было и следующее: «Основанием для отмены обвинительного приговора явилось использование судьей Пресняковой Т.Е. при написании приговора слов и выражений, неприемлемых в официальных документах»³.

Для соблюдения принципа неприкосновенности личности (ст. 10. УПК РФ) и обеспечения охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ) необходимо соблюдать следующие специальные лингвистические нормативы: формулировки должны подчёркивать соблюдение прав и свобод личности, избегая высказываний, которые могут нарушить их. К высказываниям, нарушающим данные категории могут относиться, например, «Этот преступник...», «Подозреваемый ни на что не годится...», «Он явно лжет...»; неясные или двусмысленные выражения, которые могут вызвать недоразумения и быть неправильно истолкованы: «Это неважно...», «Возможно, он сделал это...». Использование такого рода выражений может стать основанием к обжалованию и последующей отмены судебного решения. Например: «В ходе судебного разбирательства государственный обвинитель в нарушение закона называла его преступником»⁴.

Не рекомендуется использование эмоционально заряженных слов, которые могут повлиять на восприятие участников процесса [4]. Такого рода речеизъявления с лингвистической точки зрения нарушают принцип неприкосновенности личности и обеспечение охраны прав и свобод человека и гражданина, поскольку они могут повлиять на объективность и беспристрастность должностных и иных лиц, уполномоченных на принятие значимых процессуальных актов. Например, приговор, постановленный на основании вердикта присяжных заседателей, отменен, в том числе, из-за того, что: «обращаясь к коллегии присяжных заседателей, защитник допустила высказывание «Лучше осудить десять виновных, нежели посадить на скамью подсудимых одного невиновного»,... в прениях сторон защитники использовали неуместные примеры и эмоционально окрашенные обороты, обращаясь к коллегии присяжных заседателей, допускали выражения, способные оказать на них негативное воздействие»⁵.

Анализ статьи 14 УПК РФ «Презумпция невиновности» позволяет определить следующие специальные лингвистические нормативы: формулировки должны быть нейтральными и не предполагать виновность обвиняемого до вынесения судебного приговора; необходимо избегать употребления слов и выражений, которые могут создавать впечатление предвзятости или заранее установленной виновности; важно использовать юридически корректные термины, такие как «подозреваемый», «обвиняемый» или «подсудимый», вместо слов, предполагающих виновность, таких как «преступник». Значимость и этих лингвистических нормативов подтвердим примером из судебной практики: «заявлено ходатайство об отстранении присяжного от участия в деле по мотиву негативного отношения к подсудимому в связи с допущенным им высказыванием «можно вести себя потише?» в ходе исследования доказательств...»⁶. В этом

¹ Апелляционное определение Иркутского областного суда от 08 июля 2019 г. № 22-1933/2019.

² Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08 февраля 2024 г. № 77-503/2024 (УИД 52RS0004-01-2023-001097-64). Приговор изменен.

³ Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 02 апреля 2018 г. № ДК18-10.

⁴ Кассационное определение Калужского областного суда от 14 июня 2011 г. по делу № 22-892/2011.

⁵ Апелляционное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 18 июня 2024 г. по делу № 22-270/2024 (УИД 08RS0010-01-2023-000466-23).

⁶ Определение Московского областного суда от 15 ноября 2023 г. по делу № 22-8685/2023.

примере мы можем наблюдать необходимость правильной интерпретации высказываний, которые могут оказаться «пограничными» для участника: и, с одной стороны, демонстрировать коммуникационное нарушение принципа презумпции невиновности, а с другой, не выражать предвзятости и, соответственно, не иметь связи с указанным нарушением. В указанном примере суд подтвердил отсутствие у присяжного предубеждения против подсудимого, несмотря на то что защита настаивала на его наличии. Полагаем, что такого рода споры в уголовном судопроизводстве не способствуют деловой процессуальной коммуникации и необходимо стремление к исключению подобных дискуссий.

При описании событий и представлении доказательств следует использовать формулировки, которые указывают на наличие подозрений или обвинений, но не на установленную виновность: «подозревается в совершении преступления», «обвиняется в», «производится расследование по факту». Рекомендуется использовать выражения, подчёркивающие предположительный характер обвинений до их подтверждения судом: «Предполагаемый виновный».

Принцип состязательности сторон, закреплённый в ст. 15 УПК РФ, требует соблюдения определённых языковых норм и правил, о них мы писали ранее [9]. Эти требования направлены на обеспечение равноправия, объективности и эффективности взаимодействия между сторонами обвинения и защиты в рамках уголовного судопроизводства [10].

Вторая глава УПК РФ не содержит прямых формулировок относительно лингвистического сопровождения соблюдения принципов уголовного судопроизводства, тем самым, на наш взгляд, демонстрируя некоторую пробельность. «Любое правовое явление – будь то закон или судебный процесс» – есть текстовое явление, явление речевой коммуникации¹. Мы настаиваем, что для реализации любой правовой нормы необходимо соответствующее лингвистическое сопровождение в виде закреплённых, в том числе и законодательно специальные лингвистические нормативы (языковые требования).

Проведённая исследовательская работа и анализ позволяют сделать вывод о необходимости разработки и систематизации лингвистических норм для уголовно-процессуальной коммуникации. Это включает создание специальных языковых нормативов, которые будут регламентировать речевую реализацию принципов уголовно-процессуального права.

Важным шагом в этом направлении может стать разработка коммуникативного кодекса уголовно-процессуальной коммуникации (КК УПК), который зафиксирует языковые нормы и требования для данной сферы.

Дальнейшие исследования в этой области позволят уточнить и расширить лингвистические рекомендации, что будет способствовать совершенствованию юридической практики и укреплению правовой культуры в целом.

Список использованной литературы:

1. Голев Н.Д. Правовая коммуникация в зеркале естественного языка. *Юрислингвистика*. 2006;(7);8–39.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение. *Новое в зарубежной лингвистике*. 1985;(16);217–237.
3. Давыдова М.Л. Структура языка права: филологические и юридические аспекты. *Актуальные проблемы российского права*. 2009;12(3):40–47.
4. Красовская О.В. Судебная коммуникация: некоторые трудности взаимодействия. *Юрислингвистика*. 2010;10(10):46–51.
5. Кодеева А.Ч., Магомедова Р.М., Цамаева А.А. Современные требования к формированию профессиональной этики юриста. *Проблемы современного педагогического образования*. 2019;65(1):145–149.
6. Костина О.В., Синенко В.С., Растворцева Ю.А. Медиация как форма защиты прав граждан. *Философия. Социология. Право*. 2015;199(2):109–114.
7. Усманова Е.Ф. Речевая коммуникация в профессиональной деятельности юриста. *Юрислингвистика*. 2007;(8):63–72.
8. Химичева О.В. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных ориентиров российского общества. *Журнал российского права*. 2025;(1):5–16.
9. Цыпина А.В. Уголовно-процессуальная коммуникация участников уголовного судопроизводства. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;(3):108–114. DOI: 10.31429/20785836-16-3-108-114.
10. Черемисина Т.В. Уголовное судопроизводство как процесс коммуникации. *Уголовное судопроизводство*. 2023;(3):30–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цыпина Алла Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

¹ Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 44.